

Богословие митрополита Суражского Антония в свете святоотеческого Предания

Жизненная судьба митрополита Суражского Антония настолько неординарна, что в современной истории Русской Православной Церкви ей вряд ли можно найти аналог. Родившись в 1914 году в семье русского дипломата, он прошел долгий путь от студента медицинского факультета Парижского университета до главы епархии Русской Церкви в Великобритании, старейшего по хиротонии архиерея Русской Православной Церкви. Этот путь включает более полувека служения Церкви в качестве настоятеля Лондонского кафедрального собора, из них более сорока лет — в епископском сане.

Не менее необычна творческая судьба Владыки Антония. Не имея богословского образования, он является одним из наиболее авторитетных православных богословов мира, почетным доктором богословия двух университетов и двух православных духовных академий. В течение своей долгой жизни Владыка Антоний мало писал; при этом он — автор более двадцати книг на многих языках мира. Основу литературного наследия Владыки Антония составляют его проповеди и беседы, произнесенные в разных аудиториях и распечатанные с магнитофонной ленты. В 1970-е и 1980-е годы эти беседы имели широкое хождение в самиздате; начиная с 1991 года, они регулярно публикуются в России.

Настоящий очерк не ставит целью дать исчерпывающий анализ богословских взглядов Владыки Антония или сопоставить их с учением Отцов Церкви по тем или иным вопросам. Мне бы хотелось здесь в более общем плане определить место, которое, на мой взгляд, занимает богословие Владыки Антония в контексте православной святоотеческой традиции.

Кто такие Отцы Церкви?

В богослужении Недели Православия наша вера определяется как вера апостольская, вера отеческая, вера православная¹. А святитель Афанасий Александрийский говорит о «первоначальном Предании» и о «вере Вселенской Церкви, которую передал Господь, проповедали апостолы, сохранили Отцы»². Таким образом, святоотеческое наследие мыслится как прямое продолжение учения Христа и апостолов и писания Отцов представляются неотъемлемой частью православного Предания. Но что такое святоотеческое богословие и кто такие Отцы Церкви?

В учебниках по патрологии, составленных русскими авторами XIX века, можно встретить указание на три основных признака, по которым следует отличать Отца Церкви от обычного богослова: святость жизни, правильность учения и древность. Все эти три критерия заимствованы из традиционной католической патристики.

Относительно первого критерия следует сказать, что в православной традиции святость жизни всегда считалась неотъемлемой характеристикой всякого подлинного богослова: представление о богословии как кабинетной науке, оторванной от реальной духовной жизни, Православию глубоко чуждо. В то же время очевидно, что личная святость далеко не всегда обеспечивает богословскую безупречность суждений того или иного автора. История Церкви знает немало случаев, когда авторы богословских сочинений, причисленные к лику святых, высказывали сомнительные или даже ошибочные мнения. В связи с канонизацией сонма новомучеников и исповедников Российских Архиерейский Собор 2000 года даже сделал специальное разъяснение по данному поводу, подчеркнув,

что сам факт канонизации того или иного новомученика не означает непременно возведения всего им написанного и сказанного в ранг святоотеческого богословия.

Что касается правильности учения, то здесь, опять же, необходимы уточнения. Отцы Церкви были выразителями церковного Предания, и в этом смысле их писания являются своего рода эталоном, «точным изложением православной веры»: на их учение мы ориентируемся, с ним сверяем свои взгляды и суждения. Однако в святоотеческих писаниях следует отличать то, что говорилось их авторами от лица Церкви и что выражает общецерковное учение, от частных богословских мнений (так называемых теологуменов). Частные мнения не должны отсекаются для создания некоей упрощенной «суммы богословия», для выведения некоего «общего знаменателя» православного догматического учения. В то же время частное мнение, авторитет которого основывается на имени человека, признанного Церковью в качестве Отца и учителя, не освящено соборной рецепцией церковного разума, а потому не может быть поставлено на один уровень с мнениями, такую рецепцию прошедшими. Частное мнение, коль скоро оно было выражено Отцом Церкви и не осуждено соборно, входит в границы допустимого и возможного, но не может считаться общеобязательным для православных верующих.

Что же касается критерия древности, то он должен быть оспорен³. Для православного христианина Отцом Церкви в равной степени является как священномученик Ириней Лионский, живший во II веке, так и святитель Феофан Затворник, живший в XIX веке (при этом, однако, мы не можем считать все без исключения суждения этих авторов абсолютно безупречными в богословском отношении). Сейчас, к сожалению, и в православной среде весьма распространено мнение о том, что Святые Отцы — это богословы прошлого. Само прошлое при этом датируется по-разному. По оценкам одних, святоотеческая эпоха закончилась в VIII веке, когда святой Иоанн Дамаскин написал «Точное изложение православной веры», подведя итог нескольким столетиям богословских споров. По мнению других, она закончилась в XI веке, когда произошел окончательный разрыв между первым и вторым Римом, или в середине XV столетия, когда пал «второй Рим» — Константинополь, или в 1917 году, когда пал «третий Рим» — Москва как столица православной империи. Соответственно возвращение к святоотеческим истокам понимается именно как обращение к прошлому и восстановление либо VIII, либо XV, либо XIX века.

Такое мнение, однако, представляется неприемлемым. По мнению протоиерея Георгия Флоровского, «Церковь сейчас обладает не меньшим авторитетом, чем в прошедшие столетия, ибо Дух Святой живет ее не меньше, чем в былые времена», потому нельзя ограничивать «век Отцов» каким-либо временем в прошлом⁴. А известный современный богослов епископ Диоклийский Каллист (Уэр) говорит: «Православный христианин должен не просто знать Отцов и цитировать их: он должен войти в их дух и приобрести „святоотеческий ум“. Он должен рассматривать Отцов не только как наследие прошлого, но как живых свидетелей и современников». Епископ Каллист считает, что эпоха Святых Отцов не завершилась в V или VIII веке; святоотеческая эпоха в Православной Церкви продолжается и поныне: «Очень опасно смотреть на Отцов как на законченный корпус писаний, целиком относящихся к прошлому. Разве наш век не может произвести на свет новых Василия или Афанасия? Говорить, что Святых Отцов больше уже не может быть, значит утверждать, что Святой Дух покинул Церковь»⁵.

В противовес католическому представлению о древности как необходимом атрибуте всякого Отца Церкви можно было бы выдвинуть другое — об *актуальности* святоотеческого богословия в любую эпоху. Отцы Церкви были выразителями христианской веры для своих современников: они писали на языке своей эпохи,

использовали понятийный аппарат, доступный их окружению, но при этом они выражали те истины, которые никогда не устаревают, делились опытом, который всегда актуален. Многих, кто сегодня соприкасается с творениями Отцов прежних веков, поражает, насколько они современны. Архаичным может быть язык того или иного Отца Церкви, устаревшими могут быть те или иные научные взгляды, на которые он опирался, но основной message святоотеческого богословия, его духовный строй, его догматическая и нравственная сердцевина — все это остается равно актуальным для нашего современника и для человека древности.

Современного читателя поражает в святоотеческом богословии и другое: то, насколько широко смотрели на мир Отцы Церкви. В святоотеческом богословии не было ничего от той зашоренности, косности, того — не побоюсь этого слова — мракобесия, которое отличает иных современных авторов, выдающих себя за богословов и хранителей веры отеческой. Дух сектантства, которым дышат произведения некоторых нынешних радетелей о чистоте Православия, был Отцам Церкви глубоко чужд. Такие авторы, как Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст и многие другие, были людьми широкого кругозора, энциклопедических знаний, с уважением относившимися не только к церковным, но и к светским наукам.

Поражает также смелость святых Отцов, их дерзновение: они не боялись ставить самые трудные вопросы и искать на них ответы. Отцы Церкви всегда опирались на своих предшественников, но никогда не ограничивались бездумным повторением того, что унаследовали от прошлых веков. Даже если на обсуждение выносился вопрос, уже неоднократно обсуждавшийся в прошлом, вопрос, по которому было вынесено соборное суждение Церкви, Отцы были готовы в каждую эпоху рассматривать его по-новому, под другим углом зрения, и подчас давали на него новый ответ. Мнения одних Отцов уточнялись другими Отцами: это был непрерывный творческий процесс, неотъемлемой частью которого являлось богословское дерзновение.

Святые Отцы более всякого греха боялись впадения в ересь, однако этот страх отнюдь не сковывал их. Было немало богословов, которые балансировали на грани ереси или переступали через эту грань, но за порогом Церкви оставались, как правило, лишь те, кто сознательно противопоставлял свое мнение соборному разуму Церкви. Если же богослов, повинувшись церковному голосу, признавал свои ошибки, Церковь возвращала ему всю полноту своего доверия. Поэтому, боясь ереси, Отцы Церкви не боялись ошибок, зная, что infallibilitas (безошибочность) не свойственна никому, кроме самой Церкви во всей ее полноте, и что сама Церковь исправит всякую их ошибку и восполнит всякую неполноту.

Таким образом, можно говорить о том, что Отцом Церкви является тот богослов, который, обладая личной святостью и храня верность Преданию Церкви, в то же время говорит на языке, доступном его современникам, не боясь отвечать на жгучие вопросы современности. Отец Церкви все свои богословские суждения сверяет с мнением Церкви, ориентируясь на церковное Предание как главный критерий истины. Верность Преданию, однако, вовсе не означает слепого копирования того, что уже было сказано прежде: напротив, Отцу Церкви нередко приходится рассматривать проблемы, которые до него никем не рассматривались, но решает он их исходя из духа православного Предания.

Митрополит Антоний как выразитель святоотеческого Предания

Говорить о патристическом контексте богословия митрополита Антония непросто. В своих беседах и проповедях он довольно часто ссылается на Отцов Церкви, иногда называя их по именам, иногда просто упоминая «кого-то из Отцов», однако никакого

систематического исследования святоотеческого наследия мы у него не найдем. К изречениям и мыслям Отцов Церкви он подходит настолько свободно, что иногда невозможно бывает установить источник цитаты: кажется, что когда-то где-то Владыка Антоний прочел ту или иную святоотеческую мысль, а затем в течение долгих лет жил с нею, осмысливал ее и переплавлял ее в горниле собственного духовного опыта; то, что явилось на свет в результате этого процесса, настолько же является мыслью Отца Церкви, насколько принадлежит самому Владыке Антонию.

Такой метод цитирования был, впрочем, характерен и для самой святоотеческой письменности. У преподобного Симеона Нового Богослова, например, мы почти не находим прямых заимствований из предшествующих Отцов, зато находим множество аллюзий на творения Григория Богослова, реминисценций и отголосков мыслей других авторов, отдельные выражения из литургических текстов. Так же, как и для прочих Отцов, для преподобного Симеона православное Предание было той стихией, в которой он жил, тем воздухом, которым он дышал, и потому для него не было необходимости постоянно цитировать других Отцов, ссылаться на авторитеты древности. Он вообще считал, что тому, кто живет в Боге, нет нужды читать о Боге. «Тот, кто сознательно приобрел в себе Бога, дающего людям знание... собрал весь плод пользы от чтения, и более уже не будет нуждаться в чтении книг... — говорил преподобный Симеон. — Обладающий как собеседником Тем, Кто вдохновил написавших Божественные Писания и посвящаемый Им в тайны сокровенных таинств, он сам станет для других богодухновенной книгой, содержащей новые и ветхие таинства, написанные в ней перстом Божиим»⁶.

В этих словах вовсе не отрицается необходимость чтения Писания и творений Отцов. Преподобный Симеон лишь подчеркивает, что напитаться духом христианского Предания гораздо важнее, чем начитать богословских книг. О том же говорил и преподобный Силуан Афонский, когда утверждал, что, если бы даже все книги древних аскетических авторов были утрачены, афонские монахи могли бы написать новые, и в них содержалось бы то же самое учение. Речь идет о преемстве духовного опыта, который переходит от Отцов древней Церкви к современным Отцам. По сути это тот же самый опыт, только выражается он по-иному.

Богословие митрополита Антония в высшей степени современно и в то же время глубочайшим образом укоренено в святоотеческой традиции. Его язык — простой, яркий, емкий — доступен всякому читающему, но говорит он при этом о самых сложных и существенных вопросах человеческого бытия. Центральной его темой является встреча человека с Богом. Это глубоко личная тема для Владыки Антония: его путь к Богу начался с того, что в возрасте четырнадцати лет он встретил живого Христа, и с тех пор он живет опытом этой встречи, радостью об этой встрече, живым ощущением присутствия Спасителя. Христианство открылось ему как религия личного, живого Бога — того Бога, Который относится к человеку не только с любовью, но и с уважением, Который солидарен с человеком, Который верит в человека, даже если человек утрачивает веру в Него. И этим опытом встречи с Богом живым митрополит Антоний делился со своими современниками, помогая тысячам людей найти свой путь к Богу.

Для того, чтобы человек мог в своем личном духовном опыте встретить Бога, ему необходимо то, что святитель Феофан Затворник (один из любимых авторов Владыки Антония) называл «внутрипробыванием» и что сам Владыка Антоний, вслед за преподобным Исааком Сириным, называет «схождением в глубины». Подлинным святоотеческим призывом всегда был не столько призыв к движению вперед или к воспарению ввысь, сколько призыв к схождению вглубь — туда, где Бог присутствует как непостижимая тайна, открывающаяся сердцу человека, как драгоценная жемчужина,

которая добывается с большим трудом. «Если бы в каждой устрице ныряльщик находил жемчужину, тогда всякий человек быстро разбогател бы, — пишет Исаак Сирин. — И если бы ныряльщик тотчас добывал жемчужину, и волны не били бы его, и акулы не встречали бы его, не надо было бы ему задерживать дыхание до такой степени, чтобы он задыхался, и не был бы он лишен свежего воздуха, который доступен всем, и не сходил бы в глубины — тогда чаще, чем ударяет молния, и в изобилии попадались бы жемчужины»⁷. Об этих же глубинах говорит и преподобный Симеон Новый Богослов: «Как тот, кто стоит на берегу моря, пока находится вне вод, видит все и обнимает умом океанский простор, когда же начнет входить в воды и погружаться в них, насколько сходит, настолько меньше видит то, что вне вод; так и те, которые становятся причастными Божественному свету, в какой мере преуспевают в познании божественного, в той же мере соответственно впадают в незнание внешнего. Как тот, кто входит в воды морские по колена или по пояс, ясно видит все, что вне вод, когда же сойдет в глубину и окажется весь под водой, не может видеть ничего из того, что вне воды, и знает одно только то, что он всецело находится в глубине моря; так случается и с теми, которые возрастают в духовном преуспении и восходят в совершенство знания и созерцания»⁸.

Напоминание о необходимости схождения вглубь особенно своевременно в эпоху, когда миллионы людей скользят по поверхности жизни, подобно человеку, несущемуся на водных лыжах по поверхности океана под рев тянущего его за собой катера, и мало кому интересно обзаводиться аквалангом и спускаться в океанские глубины. Владыка Антоний приглашает своего читателя погрузиться туда, где в царственной тишине живет своей сокровенной жизнью подводный мир, где среди коралловых рифов и водорослей ныряльщик может обрести ту жемчужину, обладание которой преобразит всю его жизнь, придаст ей новую ценность.

Тема встречи с Богом неразрывно связана у митрополита Антония с темой встречи с человеком. Это та самая встреча, которой на протяжении тридцати восьми лет жаждал у купели Силоамской евангельский расслабленный, на вопрос Христа «Хочешь ли быть здоров?» ответивший: «Так, Господи, но не имею человека, который опустил бы меня в купальню» (Ин 5:6—7). Слова, которые услышал Господь от расслабленного — «не имею человека», — отражают духовное состояние современного мира, в котором миллионы людей страдают от одиночества и оставленности. Современное человечество не только обезбожено: оно обесчеловечено. Бесчеловечность, равнодушие к страданиям других, нежелание помочь, поделиться, выйти навстречу, эгоцентризм и эгоизм приобретают поистине вселенские масштабы. Все труднее бывает в пустыне современного мира встретить человека — того, кто готов разделить с тобой радость и скорбь, праздники и будни, победы и поражения.

Когда-то Диоген ходил днем по городским улицам, держа в руках зажженный фонарь и говоря: «Ищу человека». Это изречение античного философа осталось в памяти человечества символом того, как трудно иногда бывает среди сотен, тысяч, миллионов, миллиардов людей, населяющих землю, встретить настоящего человека. Но если встреча с настоящим человеком произошла, каким чудом она оказывается! Для евангельского расслабленного, как и для многих других людей во все века, таким Человеком с большой буквы, единственным подлинным человеком на его жизненном пути, стал Богочеловек — Господь Иисус Христос. В Его лице расслабленный обрел того, кого ему всю жизнь не хватало, о ком он всю жизнь тосковал, кого всю жизнь ждал.

Святые Отцы говорят нам: для того, чтобы быть подлинными христианами, мы должны быть похожи на Христа, единственного Человека в абсолютном смысле этого слова. А значит, мы должны прежде всего сами стать настоящими людьми. Во II веке святой

Феофил Антиохийский, полемизируя с язычником, писал: «Ты говоришь: покажи мне твоего Бога. А я тебе отвечу: сначала покажи мне твоего человека, и тогда сможешь увидеть моего Бога»⁹. Иными словами, мы не можем видеть Бога, пока не вырастем в полную меру нашего человеческого роста. Об этом христианском призвании и напоминает Владыка Антоний во всех своих устных и печатных выступлениях.

Митрополита Антония можно назвать Отцом Церкви нашего времени, ибо его богословие обладает теми качествами, которыми обладало святоотеческое богословие на протяжении многих столетий. Это не значит, что он безошибочен в суждениях, что у него нет частных мнений, отличающихся от общепринятых, что его взгляды нельзя оспорить. Но основной вектор его богословской мысли совпадает со святоотеческим. И потому, даже отвечая на те вопросы, которые не ставились в эпоху древних Отцов, Владыка Антоний апеллирует к тому, что всегда было главным критерием истины в святоотеческом богословии, — к Преданию Церкви. И все его богословие можно рассматривать как интерпретацию церковного Предания — интерпретацию современную, живую, основанную не только на изучении древних Отцов, но и на опытном переживании тех истин, которые составляют сердцевину святоотеческого богословия. Максимальная открытость вызовам времени при максимальном стремлении сохранить верность церковному Преданию — такова, наверное, наиболее характерная черта богословского творчества митрополита Антония.

Основные темы настоящей книги

Настоящая книга является самым полным собранием выступлений Владыки Антония. Впервые под одной обложкой собраны материалы, столь разные по тематике и стилю. Структура книги может показаться эклектичной, но эта эклектичность лишь кажущаяся: на самом деле в книге есть своя динамика, вполне соответствующая основному направлению богословской мысли Владыки Антония. Книга постепенно ведет человека от телесного к духовному, от внешнего к внутреннему, от человеческого к божественному. Следуя за богословской мыслью автора, читатель постепенно погружается в океан внутренней жизни, о котором говорили Отцы Церкви: сначала входит в него по колено, затем по пояс, потом по грудь, пока, наконец, воды не сомкнутся над его головой и он не окажется в тех глубинах, на которых человек может встретить Бога.

Первая часть книги посвящена вопросам медицинской этики. Обращение митрополита Антония к медицине не случайно: будучи профессиональным медиком с многолетним стажем хирургической практики, он накопил огромный опыт, которым делится с читателем. Как нужно вести себя у постели больного? В чем смысл болезней, страданий физических и духовных? Как христианство относится к телу человека? Какую роль играет материя в духовной жизни? Каково православное отношение к стигматам? Эти и многие другие вопросы затрагиваются в первой части книги.

Отмечу, что медицина в каком-то смысле родственна пастырству. В святоотеческой традиции труд священника нередко сравнивается с врачебным искусством. Как пишет святитель Григорий Богослов, если врачебное искусство направлено на материальное и временное, то пастырство заботится о душе, которая нематериальна и божественна по происхождению. Врач предписывает лекарства, рекомендует профилактические средства, иногда даже употребляет прижигания и хирургическое вмешательство; однако гораздо труднее врачевать «нравы, страсти, образ жизни и волю», исторгая из души все животное и дикое и насаждая в ней все кроткое и благородное¹⁰. «По всем этим причинам, — заключает святой Григорий, — считаю я нашу медицину гораздо более трудной и значительной, а потому и более предпочтительной, чем та, что имеет дело с телами, еще и потому, что последняя мало заглядывает вглубь, но по большей части

занимается видимым, тогда как наша терапия и забота всецело относится к сокровенному сердцу человеку»¹¹.

Говоря собственно о медицине, святитель Григорий называет ее «плодом философии и трудолюбия»¹², подчеркивая свое уважение к ней. Впрочем, среди Отцов Церкви не было профессиональных медиков: и Григорий Богослов, и Василий Великий, и многие другие Отцы изучали медицину в университетах, но не были практикующими врачами, а потому их рассуждения о врачебном искусстве не выходили за рамки общеизвестных сведений из области медицины. Владыка Антоний в этом смысле идет гораздо дальше Отцов: он привлекает реальный врачебный опыт для интерпретации различных феноменов физического и духовного бытия человека.

Следующий раздел книги посвящен извечному конфликту между верой и неверием, религией и атеизмом. Лейтмотив всех материалов этого раздела — тема верности Бога человеку: даже если человек отвергает Бога и противится Ему, Бог никогда не оставляет человека, если человек неверен Богу, «Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может» (2 Тим 2:13). Что бы ни происходило с человечеством и с каждым конкретным человеком, Бог остается верным ему в Своей любви, от которой не может и не хочет отречься. Эта любовь возвела Бога воплотившегося на Крест: в страданиях и муках Голгофы Сын Божий и Сын Человеческий испытал ту богооставленность, которая в большей или меньшей степени является опытом всякого человека. Потеряв Бога на Кресте, Христос явил величайшую меру солидарности с каждым человеком — такова мысль митрополита Антония, которая неоднократно повторяется на протяжении всей книги.

Центральный раздел настоящей книги затрагивает круг вопросов, тем или иным образом связанных с православной антропологией в ее нравственном аспекте. Этот раздел имеет ярко выраженный автобиографический характер (что, впрочем, характерно для всего творчества Владыки Антония). Читатель найдет здесь рассказ Владыки о самом себе, размышления о призвании и назначении человека, о взаимоотношениях между людьми на уровне общества в целом, церковной общины, семьи как «малой Церкви».

Как в этом, так и в других разделах настоящей книги Владыка Антоний затрагивает те вопросы личной, семейной и общественной нравственности, а также проблемы биоэтики, которые получили освещение в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых Архиерейским Собором 2000 года. В этом документе — впервые за всю историю Православия — официальная церковная позиция выражена по столь широкому спектру проблем, волнующих современное человечество. Но в 1960—1990-е годы, когда на данные темы выступал Владыка Антоний, никакой «социальной концепции» у Церкви не было, и требовалось большое мужество и дерзновение, чтобы высказывать по этим вопросам свое мнение. Заметим, что в большинстве случаев мнение Владыки Антония совпадает с позицией, выраженной в «Основах социальной концепции», и это лишний раз подтверждает верность его богословской интуиции, в формировании которой стремление к верности Преданию Церкви играет столь существенную роль.

Заключительные разделы книги носят герменевтический характер: здесь митрополит Антоний выступает в своей наиболее характерной роли — интерпретатора православной веры. Особое внимание уделяется толкованию Священного Писания. В Православии, в отличие, например, от протестантизма, Писание не воспринимается как нечто первичное по отношению к церковному Преданию: Писание выросло из Предания и составляет его неотъемлемую часть. При этом под Преданием понимается все многообразие церковного опыта от времен ветхозаветного Откровения до наших дней. Отсюда и основной

герменевтический императив: Писание должно интерпретироваться не спонтанно и произвольно, а изнутри Предания.

Обращаясь к Библии, Владыка Антоний предлагает очень свежие, современные, подчас весьма неожиданные толкования отдельных библейских текстов, но все его комментарии глубоко укоренены в православном Предании и носят ярко выраженный церковный характер: Писание осмысливается им изнутри духовного и литургического Предания Церкви. Не случайно его излюбленной формой комментария к Библии является проповедь, представляющая собой не научное исследование и не свободное рассуждение на ту или иную тему, а составную часть Божественной литургии, интегрированную в богослужебный строй жизни церковной общины. В этом, опять же, нельзя не увидеть связь между Владыкой Антонием и Отцами древней Церкви, для которых Священное Писание было не столько предметом кабинетного изучения, сколько объектом молитвенного размышления: отрывки из Писания прочитывались в храме и здесь же толковались пастырями Церкви. Именно так появились на свет экзегетические беседы святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского и многих других Отцов Церкви.

Голос богослова и голос Церкви

Ни один богослов не имеет права быть просто частным лицом: у него могут быть свои, частные мнения, отличающиеся от мнений других богословов, он может говорить от себя, но его личный голос никогда не должен звучать изолированно или обособленно. Протоиерей Георгий Флоровский подчеркивал, что всякий христианин при всех обстоятельствах, даже когда он остается один на один с Богом, является прежде всего членом Церкви: «Личная молитва возможна только в контексте общины. Никто не является христианином сам по себе, но только как член тела. Даже будучи в уединении, „в келлии“, христианин молится как член искупленной общины, Церкви»¹³. Сказанное тем более относится к богослову: никто не может быть богословом «сам по себе»; богословом можно быть только в контексте церковной общины. Каждый богослов несет ответственность за свои слова и суждения не только перед самим собой, но и перед всей общиной Церкви.

Отцы и учителя древней Церкви «истинным богословием» называли молитву. Классическая фраза Евагрия-монаха — «Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов»¹⁴ — с максимальной выразительностью воспроизводит традиционное патристическое отношение к богословию. Для Отцов Церкви богословие не было отвлеченным теоретизированием о «неведомом Боге»: оно было поиском личной встречи с Ним. Истинное богословие — не о Боге, а в Боге: оно не рассматривает Бога как посторонний объект, но беседует с Богом как Личностью. Христианское богословие молитвенно и опытно. Оно противопоставляет себя голой безблагодатной «учености»¹⁵. «Философствовать о Боге можно не всякому... Способны к этому люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, душу и тело», — говорит человек, которого Церковь удостоила звания Богослова¹⁶.

Этому критерию, как мне думается, в полной мере соответствует богословие митрополита Антония. Он является человеком, испытавшим себя годами подвижнического труда, проводящим жизнь в созерцании и потому имеющим право философствовать о Боге. Его богословие — точное и адекватное, и вместе с тем современное и актуальное выражение веры апостольской, веры отеческой, веры православной.

Епископ Керченский Иларион (Алфеев),

доктор богословия, доктор философии